

Светящийся, глубокий синий цвет особенно запомнился после его выставки. Лазурные блики, циановые тучи, синие тени. В заброшенном маяке, в видах хабаровских дворигов, в пейзажах приморской Андреевки — везде акварельный ультрамарин как единое целое картинного мира Бронислава Тамулевича.

Художник, педагог, дизайнер, путешественник, много чего можно рассказать о Брониславе. Коренной дальневосточник, изъездивший половину Дальнего Востока, изнутри видевший жизнь больших городов и маленьких поселков. И все это воплотивший в картинах.

«Не берите черный цвет, в живописи его не должно быть», — учили в институте. Черный заменяли зеленым, синим, коричневым, пропалины в густой роще получались темно-разноцветными. Мало у кого в этой темноте светилось небо. А у Бронислава живая вода текла почти в каждой картине. Синяя акварель. Куда ей вздумается, туда и повернет — из окна на тучу, из травы — на ступеньку деревянного домика.

«Часы Бронислава с секундной стрелкой, — написал о нем в книге «Вчера, сегодня, всегда...» Александр Лепетухин. — Рисуя, он всегда ловит мгновение. Блеснул свет в луже или на капле росы, упала глубокая тень, неожиданный, но характерный жест или взгляд собеседника — это его. За всем этим гоняется он, как мальчик с сачком за бабочкой».

После общения с картинами, люди уносят кусочек этой прозрачной синевы. Таково творчество Бронислава Тамулевича. Кто же он, ультрамариновый художник?

«А БЫЛ ХУДГРАФ...»

Хабаровский художественно-графический факультет — страна яркая, со своими законами и «временами года». Выпускники — люди творчески сумасшедшие.

— Сейчас не то, — рассказывает художник. — А был худграф шумным, ездили на пленэры в такие дебри, бесконечно опаздывали на утренний и вечерний рисунок. Но рисовали запоем... Была любимая учительница — Мария Александровна Задворных, которая мягко привела на эту дорогу — рисовать. Был удивительный наставник — Дмитрий Андреевич Романюк. Жизнь была как одна большая выставка. Любили пошутить. Раз навязали на факультетский скелет веревочек, как на марионетку, «дали» ему веник, чтобы бил входящих по голове. Первый удар достался преподавателю. Ну ничего, посмеялся со всеми.

Институт он окончил в 1979 году, тогда же встретил Светлану — жену, друга и коллегу. И уже не в одиночестве отправился на службу, в приморский поселок Краскино. Работал в технологическом колледже, делал выставки и экспозиции в музеях Хабаровска и края. Работы всегда много, без нее Брониславу скучно. А когда труда много, он разный, все бегом — это его стихия.

ПОРТРЕТ, ПЕЙЗАЖ, МУЗЕЙ

Вспоминается зарисовка из жизни. Мастерская художника была на Энергомаше. Туда приходили будущие студенты, готовились к поступлению на художественные факультеты. Рисовали карандашом, пробовали писать простые натюрморты. И все поглядывали в углы, где стояли недописанные ростовые портреты маслом — до того серьезными, монументальными они казались. Хотелось научиться так же. Старались сильнее. А поступив в вуз, не раз слышали: «У Тамулевича учились? Видно, видно». Учительская манера со многими оставалась навсегда.

Как ни странно, мало кто вспоминает эти холсты... Обычно говорят о карандашных портретах и акварельных пейзажах. Оно и понятно, но все же творчество Бронислава разнообразнее. А дальневосточные пейзажи — одна из глав. «Герои» картин — заброшенные дома, старые мосты, тихие дворики — получаются очень живыми. Что-то печально-радостное есть в них, стоящих на краю города и в сельской местности. Наверное, это надежда. Что сейчас подъедет машина, выйдут люди, зайдут в дом — и над трубой появится дымок.

«У Бронислава образ города, ждущего человека», — сказала одна из его учениц. Очень точно. Но людей он тоже рисует. Фактурных, необычных, ярких. Одно время занимался портретами «бичей». Лепетухин написал: «Его заинтересовала совместимость несовместимого. Они пьют, но в меру начитанны. Охотно говорили об импрессионистах. У каждого свое мнение об искусстве, но на каком-то градусе интеллект их оставляет».

Отдельная тема — портреты женщин. Вальяжные, непосредственные, строгие — они все красивы, и Бронислав доказывает это своими рисунками. И, конечно, портретов любимой жены Светланы у него десятки. И все разные.

Еще одна глава — работа в музеях края. Из рассказов сотрудников Гродековского музея:

— Сдаем проект. Все на нервах, до открытия два дня. И тут легкой походкой заходит Тамулевич, чуть ли не насвистывает. Мы: «Броня, где распечатки?!» А он так небрежно плечом пожимает и говорит: «Лучше посмотрите, что я придумал для выставки». Самое поразительное, что всегда все успевали и делали хорошо.

Тамулевич по характеру путешественник. И по работам своим «переходит» с места на место, с темы на тему и трудится в разных местах. Итоги: экспозиции и выставки — в музеях Охотска, Зеи, по всему Хабаровскому краю. А еще в книгах, в дизайне юбилейных журналов ко дню города, в оформлении научных статей. Разносторонние работы, которые мы, хабаровчане, видели много раз, даже не зная, кто автор.

— К чему бы ни прикасались руки Бронислава и его творческая мысль, это всегда получается в высшей степени профессионально и новаторски, — рассказывает живописец Виктория Романова. — Броня — блестящий организатор работы

и отдыха. Несколько раз мы вместе с семьей Тамулевича ездили на этюды, и я убедилась в том, какой он настоящий. Мы написали много этюдов, которые потом участвовали в выставках. Самое главное для меня в нем — нежная, трогательная, ранимая и очень чистая душа художника, которая открывается в его акварелях и рисунках.

Зрители ищут на выставках среди множества картин именно отзвук творческой свободы. Это помогает им улыбнуться, расправить плечи, чтобы жить дальше с хорошим настроением. Секрет Бронислава — в его отношении к жизни и творчеству. Одним словом — в «любви».

